

них на ранней стадии и предотвращению наступления тяжких последствий для физического и психологического здоровья ребенка» [7].

Вышеизложенное обуславливает необходимость проведения системного комплексного исследования зарубежного опыта уголовной ответственности за обращение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего, а также проведение эмпирического исследования социальной обусловленности введения уголовной ответственности за приобретение и коллекционирование порнографии с изображением несовершеннолетнего в законодательстве Республики Беларусь.

Список основных источников

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/imgmvd/ptl2017/deti.doc>. – Дата доступа: 23.01.2017.
2. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию распространению порнографии и педофилии // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=76563>. – Дата доступа: 23.01.2017.
3. Уголовный кодекс Австрии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimpravo.ru/codecs/avstria/2.doc>. – Дата доступа: 25.01.2017.
4. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimpravo.ru/codecs/germany/2.doc>. – Дата доступа: 25.01.2017.
5. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimpravo.ru/codecs/litva/2.doc>. – Дата доступа: 25.01.2017.
6. Боровик, П. Л. Аспекты проблемы криминализации приобретения и сбыта порнографической продукции с изображением несовершеннолетних / П. Л. Боровик // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. D, Экономика и юридические науки. – 2012. – № 6. – С. 200–204.
7. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=5421>. – Дата доступа: 23.01.2017.

УДК 343.337.4

М. А. Акимов

*доцент кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент (Украина)*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ

При реализации уголовной ответственности за нарушение законов и обычаев войны, кроме квалификации содеянного виновным лицом, также подлежат уголовно-правовой оценке и действия (либо бездействие) его непо-

средственных (прямых) командиров (начальников). Таким образом, ответственность несут и совершивший преступление, и тот, кто отдал соответствующий приказ либо не предотвратил его совершение (а равно и не сделал все необходимое для предотвращения).

Следует отметить, что подобный подход к реализации ответственности физических лиц за преступления по международному праву, ныне являющийся традиционным, существовал не всегда. Наоборот, длительное время считалось, что совершение противоправного деяния при исполнении приказа не является преступным, поскольку «приказ командира — закон для подчиненного», подкрепленный угрозой наказания (в том числе и смертной казни).

Начатый Вестфальским мирным договором 1648 г. процесс формирования международного права в XVII–XIX столетиях привел к нормативному закреплению законов и обычаев войны, а также запрета на их нарушение под угрозой ответственности государства (ст. 3 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.). К сожалению, подобная формулировка (ответственность государства, а не физического лица) обусловила не только укоренение представления о безнаказанности конкретных лиц, но и демонстративный отказ ряда стран связывать себя подобными ограничениями со ссылкой на военную необходимость, якобы оправдывающую любые (даже запрещенные) действия, методы и средства, служащие достижению победы, т. е. цели войны.

Разрушительные последствия боевых действий и откровенное игнорирование норм международного права в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. обусловили необходимость реагирования. Созданная в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. «комиссия пятнадцати», исследовав вопрос об ответственности за совершенные в ходе войны преступления, согласовала перечень из 32 преступных нарушений законов и обычаев войны (с оговоркой, что его не следует рассматривать «ни как полный, ни как исчерпывающий»). Кроме того, она констатировала следующее:

1. Все виновные в нарушениях законов и обычаев войны или законов человечности подлежат уголовному преследованию.

2. Международное право позволяет воюющей стороне привлекать к ответственности виновных лиц, если они находятся под ее юрисдикцией.

3. Некоторые из перечисленных преступлений «требуют создания Международного трибунала для надлежащего рассмотрения дел высокопоставленных лиц Германской империи о нарушениях принципов международного права, происходящих из принятых среди цивилизованных народов обычаев, из законов человечности и велений общественной совести».

Последний вывод оказал решающее влияние на судьбу Вильгельма II Гогенцоллерна. Согласно статье 227 Версальского мирного договора 1919 г. ему предъявлялось обвинение «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров»; государства-победители обязывались требовать от Нидерландов (куда бежал кайзер после отречения от престола) экстрадиции бывшего монарха, чтобы «судить ... обеспечив ему существен-

ные гарантии права защиты». Предполагалось, что Международный трибунал из представителей США, Великобритании, Франции, Италии и Японии «... по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики. в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали» определит «наказание, которое ... должно быть применено».

Однако именно характер данного органа (т. е. то, что он был скорее политическим, нежели юридическим) помешал претворить это намерение в жизнь: Нидерланды отказались выдать его, сославшись на политический характер инкриминируемых деяний и на собственный нейтралитет в войне.

Статьи 228–230 Версальского мирного договора 1919 г. регламентировали основы выдачи, уголовного преследования и наказания прочих лиц, виновных в нарушении законов и обычаев войны. Победенная Германия обязывалась выдать их военному суду той страны, против граждан которой они совершили те или иные деяния, а также предоставить необходимые для суда документы и сведения; обвиняемым гарантировалось право выбрать себе защитника.

Социал-демократическое правительство Веймарской Республики, опасаясь утратить поддержку правых партий и военных, необходимую для поддержания порядка в стране, отказалось выдать немецких граждан, предложив взамен провести суд на родине и по германским законам. Страны-победительницы не были заинтересованы в широко освещаемых прессой судебных процессах, в ходе которых могли быть вскрыты военные преступления представителей Антанты, и согласились на это.

Часть возможных обвиняемых (генерал Эрих Людендорф, ответственный за зверства в Бельгии и Франции, командиры подводных лодок Макс Валентинер и Гельмут Патциг, виновные в потоплении госпитальных судов) бежали за границу или просто не явились в суд. Союзники, первоначально требовавшие выдать 900 человек, ограничились лишь 45, и только 12 предстали перед судом в Лейпциге в 1921 г. Им были предъявлены обвинения в жестком обращении с военнопленными, в зверствах преступлениях против гражданского населения оккупированных стран, в нарушении законов морской войны и т. д. Несмотря на это, суд счел приемлемой и допустимой точку зрения защиты относительно того, что исполнение военным приказом вышестоящего командования или крайняя военная необходимость не может считаться нарушением законов и обычаев войны, даже при совершении преступления.

Половину обвиняемых (в том числе командира подводной лодки Карла Ноймана, потопившего госпитальное судно «Довер Касл») оправдали. Остальные (в том числе два офицера с подводной лодки Патцига, которые после уничтожения госпитального судна «Лландовери Касл» расстреляли из пулемета спасательные шлюпки с уцелевшими) были признаны виновными и приговорены к лишению свободы на срок от 6 месяцев до 4 лет. Общественное мнение поляризовалось: в Англии и во Франции суд называли комедией и фарсом, тогда как в Германии — унижением (поскольку судили только

немцев, «только» за исполнение приказов, да еще и «оскорбили честь» осужденных, отправив их в обычную, а не военную тюрьму).

В целом Лейпцигские процессы 1921 г. не достигли поставленной цели по целому ряду причин, среди которых не последнее место занимало несовершенство международно-правовых актов. Однако они вошли в историю как первая попытка уголовного преследования и наказания физических лиц за нарушение законов и обычаев войны. Кроме того, помня о неудаче в Лейпциге, державы антигитлеровской коалиции создали действенную нормативную базу (Московская декларация 1943 г., Лондонское соглашение 1945 г.), позволившую привлечь к международному правосудию германских и японских военных преступников после Второй мировой войны.

УДК 343.352.4(091)

О. И. Бахур

*заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Академии МВД, кандидат юридических наук, доцент (Беларусь)*

А. А. Примаченок

*профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии
МВД, кандидат юридических наук, доцент (Беларусь)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО (к 100-летию принятия Декрета СНК «О взяточничестве»)

От какого наследства мы отказываемся?

В. И. Ленин

Одним из негативных явлений, подрывавших доверие к государственному аппарату и перешедшему от царской России к Советскому государству, являлось взяточничество. После победы Октябрьской революции и образования государства нового типа, его функционированию свергнутые классы и социальные группы оказывали противодействие не только вооруженными путем, но и путем совершения контрреволюционных преступлений, саботажа, взяточничества, спекуляции и других общественно опасных деяний. В связи с этим в первые несколько месяцев после совершения революции были приняты соответствующие нормативные правовые акты: постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти», Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», Декрет СНК от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» и др.

В декрете СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» (п. 1) содержался перечень должностных и служебных лиц, могущих быть субъектами получения взятки, приводилось описание общественно опасного деяния и преду-